

1964, 24 января № 4

На соискание
ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИИ

В БИТВЕ ЗА ЧЕЛОВЕКА

В. ПОГОСТИНА

Полежаев, Попов, Мичурин, Жюлио-Кюри. Теперь Дронов. Снова Черкасов в роли ученого.

Одержимость в науке, бескомпромиссность, полная отдача своей страсти — привычные приметы образа. Сюжет фильма «Все остается людям» задан и не сулит неожиданных поворотов. Развитие его и развязка угадываются сразу. И конфликт не нов: ученый обречен, он знает об этом и будет бороться со своей болезнью. Будет стремиться в отведенный ему срок завершить работу.

Первые сцены фильма не поражают новизной. Импазантная фигура героя. Резкий характер. Рационализм ученого кажется сильнее эмоциональности этого человека, скрывающего свою болезнь, чтобы не помешали, чтобы успеть... Он по-прежнему резок и ироничен — будто ничего не случилось. Все знакомо.

Но Дронова играет Черкасов. Неповторимое обаяние актера уже с первых кадров удерживает внимание. Черкасов знает про своего Дронова что-то очень нужное нам, очень важное, совершенно необходимое для того, чтобы мы породнились с его героем.

...Среди ночи, во время принудительного отдыха, Дронов пытается поговорить с неумолимым секретарем. Безуспешно. И вот он быстро-быстро прищуривает то один, то другой глаз. И усталое нарочито замкнутое лицо женщины начинает смешно метаться справа налево, слева направо. А Дронов, разрушив удручающий его «серьез» этой сцены,

довольно хмыкает: мол, 'я-то вас все равно насквозь вижу.

А потом где-то между сложными вычислениями песенка:

Чижик-пыжик, где ты был?
На Фонтанке воду пил.
Донтор, донтор, где ты...

А доктор на другом конце телефонного провода: Дронов не берет трубку, — чтобы не огорчать отказом милого, доброго доктора.

Или, смешно согнувшись, изза приоткрытой двери наблюдает он, как молодой талантливый Вязьмин потрясенно изучает поправки своих расчетов, сделанные им, Дроновым.

Подобное мальчишество, этакие «милые шалости» часто используются для внешнего оживления образа. Но так органичен, так заразителен юмор Черкасова, столько в его игре искренности, что эти сцены действительно по-человечески приближают к нам Дронова. Он не менее страстно, чем науку, любит людей, обладающих, как и он, талантом безграничной увлеченности своим делом, потребностью отдавать себя людям.

— Я все поняла. Никогда больше я не посмею оскорбить человека недоверием. До конца своих дней я буду помнить... что за людей надо бороться... Что надо бережно... — скажет Румянцева умирающему Дронову. Эту гуманную формулу нравственности нашего свободного общества делят Верховного Совета академик Дронов утверждает всем своим существом. Черкасов от-

крывает в Дронове романтика, неукротимого созидателя, призванного украшать землю.

Именно эта черта направляет взрывчатый темперамент героя, определяет его отношение к жизни. Дронов не созерцатель. Для него нет мелочей: все касается лично его. Нет положений, когда удобнее усесться между двух стульев. Он счастлив общением с Вязьминым — и не скрывает этого. Ценит в отце Серафиме своеобразную убежденность — и не скрывает этого. Презирает хама-управдома — и откровенен в этом. Перестает уважать Румянцеву и заявляет: «Я вас не хочу знать». Здесь раскрывается отношение актера к своему герою. Черкасов против исключительности Дронова, против карамельной идеализации. Он не ищет полутонов. Его Дронов очень труден. Но он открыт и честен, энергичен, неукротим, и это привлекает к нему людей.

Дронов болен. Только покой может оттянуть развязку. Но состояние покоя противоестественно для него. Напряженно работает мысль ученого, мгновенно отзывается на всякую фальшь, равнодушие его сердце гражданина. Жить — значит отдавать себя людям. Вне этого принципа жизнь теряет для него смысл.

Активная гражданственность таланта Черкасова делает его Дронова схожим с вулканом. И вот в разговоре с бюрократом, оставившими без света дальнюю деревню, холодная ирония, открыто, вперехлест взрывается возмущением. Обжигающей лавой заливают Дронова горе, когда он узнает, что Вязьмин решил на самоубийство.

Черкасов очень точно чувствует место и меру каждого эпизода в раскрытии характера героя. Казалось бы, философская основа образа должна раскрываться актером в тех логических построениях, которые Дронов делает в споре с отцом Серафимом.

Но Черкасов чувствует, что в пределах текста этих монологов Дронову тесно, они слишком риторичны, местами просто банальны, их философская нагрузка слишком мала для Дронова.

Ум его острее, неизмеримо больше страсти в отношении

Николай Черкасов в роли академика Дронова.

этого человека к жизни. И Черкасов переносит кульминацию в раскрытии образа Дронова в сцену с письмом Вязьмина. Она сыграна так страстно, больно, с такой отдачей, что сухой, резкий голос: «Какое несчастье!..» — кажется, с треском разрывает полотно экрана. Изображение теряет свою привычную кинематографическую двухмерность. Дронов, наш современник, уже не только среди нас, Дронов в нас самих.

Такая заразительность образа больше, пожалуй, свойственна театру, когда талант живого актера сейчас, сию минуту на глазах у зрителя творит непостижимое чудо перевоплощения, рождает ту искру, которая воспламеняет, намагничивает весь зал.

Фильм «Все остается людям» — в значительной степени экранизация спектакля. Но этот

недостаток фильма в игре Черкасова оборачивается достоинством. Сохранив непосредственность живого общения актера со зрителем, экран приоткрыл к нам героя, как бы разрушив театральную условность — четвертую стену.

Видя Черкасова — Дронова начинаешь думать, что истинная, современная театральность, вероятно, не в такой уж степени противопоказана кинематографу, как это мы все время категорически привыкли утверждать.

...Мы знали, что Дронов — талантливый ученый. Мы хотели знать, что он за человек. Черкасов помог нам узнать это — актер-гражданин раскрывает в образе Дронова лучшие черты нашего современника.

Созданный им образ чрезвычайно значителен, объемный. Выдвижение этой работы на соискание Ленинской премии — большая радость.

Сам. на облож.